

Л.Н. ТОЛСТОЙ

Анна Каренина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ

РОМАН
В ВОСЬМИ
ЧАСТЯХ

Москва
аЛГОРИТМ
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Т53

Толстой, Лев Николаевич.
Т53 Анна Каренина : повседневная жизнь русской аристократии : роман в восьми частях / Л. Н. Толстой. Коллекционное иллюстрированное издание. — Москва : Алгоритм, 2023. — 992 с.

ISBN 978-5-907120-42-6

Пучина страстей, любовь и измена, рождение и смерть, вечные поиски смысла жизни, нравственного идеала, скрытых закономерностей бытия — невозможно перечислить многообразие тем, поднятых гениальным русским писателем в бессмертном произведении. Но это еще не всё. Во всемирно известном шедевре «Анна Каренина» Лев Николаевич Толстой через «мысль семейную» отразил жизнь русского общества в переломный период его развития. Роман, вышедший в 1878 году, сразу вызвал бурю обсуждений. Произведение было актуально, некоторые затронутые в нем темы поднимались впервые. В новом подарочном издании представлен не только один из самых знаменитых романов Льва Толстого. Здесь отражена эпоха огромного исторического значения: подробно описана повседневная жизнь русской аристократии XIX века, жизнь «двух столиц» — Москвы и Санкт-Петербурга, жизнь самого писателя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-907120-42-6

© ООО «Агентство Алгоритм»,
оформление, издание, 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Толстой Лев Николаевич
АННА КАРЕНИНА
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Редактор – *И.А. Монахова*
Комментарии – *М.И. Вострышев*
Дизайн обложки – *Б.Б. Протопопов*
Дизайн макета – *Е.В. Максименкова*
Компьютерная верстка – *Г.М. Кукина*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 30.06.2023.
Формат 70x100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 80,37.
Доп. тираж 1000 экз. Заказ

ISBN 978-5-907120-42-6

9 785907 120426 >

**КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ**

a

Мне стлщение, и Пз воздам

Часть первая

I

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастли-
вая семья несчастлива по-своему.

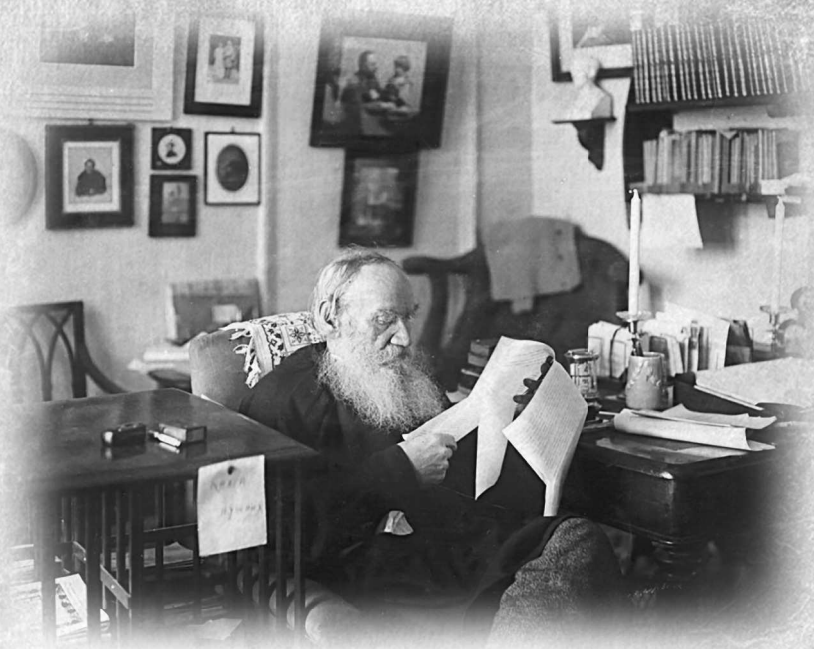
Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был
в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объ-
явила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это
продолжалось уже третий день и мучительно чувствовалось и са-
мими супругами, и всеми членами семьи, и домочадцами. Все чле-
ны семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожитель-
стве и что на каждом постоялом дворе случайно сошедшиеся люди
более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы
Облонских. Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день
не было дома. Дети бегали по всему дому, как потерянные; англи-
чанка поссорилась с экономкой и написала записку приятельнице,
прося приискать ей новое место; повар ушел еще вчера со двора, во
время обеда; черная кухарка и кучер просили расчета.

На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облон-
ский — Стива, как его звали в свете, — в обычный час, то есть в во-
семь часов утра, проснулся не в спальне жены, а в своем кабинете,
на сафьянном диване. Он повернул свое полное, выхоленное тело
на пружинах дивана, как бы желая опять заснуть надолго, с другой
стороны крепко обнял подушку и прижался к ней щекой; но вдруг
вскочил, сел на диван и открыл глаза.

«Да, да, как это было? — думал он, вспоминая сон. — Да, как это
было? Да! Алабин давал обед в Дармштадте; нет, не в Дармштадте,
а что-то американское. Да, но там Дармштадт был в Америке. Да,
Алабин давал обед на стеклянных столах, да, — и столы пели: *Il mio tesoro**,
и не *Il mio tesoro*, а что-то лучше, и какие-то маленькие
графинчики, и они же женщины», — вспоминал он.

Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался,
улыбаясь. «Да, хорошо было, очень хорошо. Много еще там было

* Мое сокровище (*ит.*).

Лев Толстой в кабинете дома в Ясной Поляне. 1909 г.

Роман «Анна Каренина» начат случайно. Одна из родственниц Толстого, гостившая в Ясной Поляне, читала 5-й том сочинений Пушкина. Как-то книга попала под руку графу. Он машинально раскрыл ее и, пробежав первую строчку («Гости съезжались на дачу...»), невольно продолжал чтение. Тут в комнату вошел кто-то.

— Вот прелесть-то, — сказал Толстой, — вот как надо писать. Пушкин приступает прямо к делу. Другой бы начал описывать гостей, комнаты, а он вводит в действие сразу...

И Лев Николаевич пошел к себе в кабинет и тут же начал: «Все смешалось в доме Облонских...» Фразу, которой начинается «Анна Каренина», он вставил позже...

Эта популярная в конце XIX века легенда была в дальнейшем опровергнута. В действительности, по первоначальному замыслу роман начинался с эпизода, соответствующего VI и VII главам 2-й части окончательного текста романа, где идет речь о приеме гостей княгиней Бетси Тверской.

отличного, да не скажешь словами и мыслями даже наяву не выразишь». И, заметив полосу света, пробившуюся сбоку одной из суконных стор, он весело скинул ноги с дивана, отыскал ими шитые женой (подарок ко дню рождения в прошлом году), обделанные в золотистый сафьян туфли и по старой, девятилетней привычке, не вставая, потянулся рукой к тому месту, где в спальне у него висел халат. И тут он вспомнил вдруг, как и почему он спит не в спальне жены, а в кабинете; улыбка исчезла с его лица, он сморщил лоб.

«Ах, ах, ах! Ааа!..» — замычал он, вспоминая все, что было. И его воображению представились опять все подробности ссоры с женою, вся безвыходность его положения и мучительнее всего собственная вина его.

«Да! она не простит и не может простить. И всего ужаснее то, что виной всему я, виной я, а не виноват. В этом-то вся драма, — думал он. — Ах, ах, ах!» — приговаривал он с отчаянием, вспоминая самые тяжелые для себя впечатления из этой ссоры.

Неприятнее всего была та первая минута, когда он, вернувшись из театра, веселый и довольный, с огромною грушей для жены в руке, не нашел жены в гостиной; к удивлению, не нашел ее и в кабинете и, наконец, увидал ее в спальне с несчастною, открывшею все, запиской в руке.

Она, эта вечно озабоченная, и хлопотливая, и недалекая, какую он считал ее, Долли, неподвижно сидела с запиской в руке и с выражением ужаса, отчаяния и гнева смотрела на него.

— Что это? это? — спрашивала она, указывая на записку.

И при этом воспоминании, как это часто бывает, мучала Степана Аркадьича не столько самое событие, сколько то, как он ответил на эти слова жены.

С ним случилось в эту минуту то, что случается с людьми, когда они неожиданно уличены в чем-нибудь слишком постыдном. Он не сумел приготовить свое лицо к тому положению, в которое он становился перед женой после открытия его вины. Вместо того чтоб оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощения, оставаться даже равнодушным — все было бы лучше того, что он сделал! — его лицо совершенно невольно («рефлексы головного мозга», — подумал Степан Аркадьич, который любил физиологию), совершенно невольно вдруг улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой.

Эту глупую улыбку он не мог простить себе. Увидав эту улыбку, Долли вздрогнула, как от физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потоком жестоких слов и выбежала из комнаты. С тех пор она не хотела видеть мужа.

Иван Михайлович Сеченов. Художник И.Е. Репин. 1889 г.

Книга «Рефлексы головного мозга» И.М. Сеченова (1829–1905), изданная в 1866 г., произвела сильное впечатление на современников и пользовалась большой популярностью.

Сеченов утверждал, что все акты сознательной и бессознательной жизни «по способу происхождения суть рефлексы». На «рефлексы» ссылались, о них говорили и спорили всюду и все, кто знал о них хотя бы понаслышке.

(А.Ф. Пантелеев. «Воспоминания», 1958 г.)

«Всему виной эта глупая улыбка», — думал Степан Аркадьич.
«Но что же делать? что ж делать?» — с отчаянием говорил он себе и не находил ответа.

II

Степан Аркадьич был человек правдивый в отношении к себе самому. Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке. Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его. Он раскаивался только в том, что не умел лучше скрыть от жены. Но он чувствовал всю тяжесть своего положения и жалел жену, детей и себя. Может быть, он сумел бы лучше скрыть свои грехи от жены, если б ожидал, что это известие так на нее подействует. Ясно он никогда не обдумывал этого вопроса, но смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что он не верен ей, и смотрит на это сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина и ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна. Оказалось совсем противное.

«Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно! — твердил себе Степан Аркадьич и ничего не мог придумать. — И как хорошо все это было до этого, как мы хорошо жили! Она была довольна, участлива детьми, я не мешал ей ни в чем, предоставлял ей возиться с детьми, с хозяйством, как она хотела. Правда, нехорошо, что она была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо! Есть что-то тривиальное, пошлое в ухаживанье за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Он живо вспомнил черные плутовские глаза m-lle Roland и ее улыбку.) Но ведь пока она была у нас в доме, я не позволял себе ничего. И хуже всего то, что она уже... Надо же это все как нарочно! Ай, ай, ай! Ая-яй! Но что же, что же делать?»

Ответа не было, кроме того общего ответа, который дает жизнь на все самые сложные и неразрешимые вопросы. Ответ этот: надо жить потребностями дня, то есть забыться. Забыться сном уже нельзя, по крайней мере до ночи, нельзя уже вернуться к той музыке, которую пели графинчики-женщины; стало быть, надо забыться сном жизни.

«Там видно будет, — сказал себе Степан Аркадьич и, встав, надел серый халат на голубой шелковой подкладке, закинул кисти узлом и, вдоволь забрав воздуха в свой широкий грудной ящик, привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело,

подошел к окну, поднял стору и громко позвонил. На звонок тотчас же вошел старый друг, камердинер Матвей, неся платье, сапоги и телеграмму. Вслед за Матвеем вошел и цирюльник с припасами для бритья.

— Из присутствия есть бумаги? — спросил Степан Аркадьич, взяв телеграмму и садясь к зеркалу.

— На столе, — отвечал Матвей, взглянул вопросительно, с участием, на барина и, подождав немного, прибавил с хитрою улыбкой: — От хозяина извозчика приходили.

Степан Аркадьич ничего не ответил и только в зеркало взглянул на Матвея; во взгляде, которым они встретились в зеркале, видно было, как они понимают друг друга. Взгляд Степана Аркадьича как будто спрашивал: «Это зачем ты говоришь? разве ты не знаешь?»

Матвей положил руки в карманы своей жакетки, отставил ногу и молча, добродушно, чуть-чуть улыбаясь, посмотрел на своего барина.

— Я приказал прийти в то воскресенье, а до тех пор чтобы не беспокоили вас и себя понапрасну, — сказал он, видимо, приготовленную фразу.

Степан Аркадьич понял, что Матвей хотел пошутить и обратить на себя внимание. Разорвав телеграмму, он прочел ее, догадкой поправляя перевранные, как всегда, слова, и лицо его просияло.

— Матвей, сестра Анна Аркадьевна будет завтра, — сказал он, остановив на минуту глянцевитую, пухлую ручку цирюльника, расчищавшего розовую дорогу между длинными кудрявыми бакенбардами.

— Слава богу, — сказал Матвей, этим ответом показывая, что он понимает так же, как и барин, значение этого приезда, то есть что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьича, может содействовать примирению мужа с женой.

— Одни или с супругом? — спросил Матвей.

Степан Аркадьич не мог говорить, так как цирюльник занят был верхнею губой, и поднял один палец. Матвей в зеркало кивнул головой.

— Одни. Наверху приготовить?

— Дарье Александровне доложи, где прикажут.

— Дарье Александровне? — как бы с сомнением повторил Матвей.

— Да, доложи. И вот возьми телеграмму, передай, что они скажут. «Попробовать хотите», — понял Матвей, но он сказал только:

— Слушаю-с.

Степан Аркадьич уже был умыт и расчесан и сбирался одеваться, когда Матвей, медленно ступая поскрипывающими сапогами, с телеграммой в руке, вернулся в комнату. Цирюльника уже не было.

Наем гувернантки.
Художница Э.Я. Шанкс. Ранее 1913 г.

Роман начинается со Степана Аркадьевича Облонского, и Степан Аркадьевич чуть ли не самое близкое нам лицо, какое только можно встретить в нашей беллетристике. Каждый из нас, наверное, знает если не нескольких, то хоть одного Степана Аркадьевича. Это до сих пор еще уцелевший тип русского барина, воспитанного и живущего в полном довольстве и в свое удовольствие, причастного к слабостям человеческим, не годящегося в героя и в деятеля. Но, со всем тем, вполне доброго и милого человека, нашего любимого родственника и приятеля, который, несмотря на все свои слабости, на эгоизм... все же не без доброго следа проходит в нашей жизни...

Долли — это тоже вполне живая и знакомая нам женщина. Ее дальнейшие появления в романе, ее разговоры с Анной Карениной, приехавшей мирить брата с женой, полны глубочайшей правды и самого тонкого анализа.

(Писатель Всеволод Соловьев. Газета «Санкт-Петербургские ведомости», 1875 г.)

— Дарья Александровна приказали доложить, что они уезжают. Пускай делают, как им, вам то есть, угодно, — сказал он, смеясь только глазами, и, положив руки в карманы и склонив голову набок, устался на барина.

Степан Аркадьич помолчал. Потом добрая и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.

— А? Матвей? — сказал он, покачивая головой.

— Ничего, сударь, образуется, — сказал Матвей.

— Образуется?

— Так точно-с.

— Ты думаешь? Это кто там? — спросил Степан Аркадьич, услышав за дверью шум женского платья.

— Это я-с, — сказал твердый и приятный женский голос, и из-за двери высунулось строгое рябое лицо Матрены Филимоновны, нянюшки.

— Ну что, Матреша? — спросил Степан Аркадьич, выходя к ней в дверь.

Несмотря на то, что Степан Аркадьич был кругом виноват перед женой и сам чувствовал это, почти все в доме, даже нянюшка, главный друг Дарьи Александровны, были на его стороне.

— Ну что? — сказал он уныло.

— Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось бог даст. Очень мучаются, и смотреть жалости, да и все в доме навынтараты пошло. Детей, сударь, пожалеть надо. Повинитесь, сударь. Что делать! Любим кататься...

— Да ведь не примет...

— А вы свое сделайте. Бог милостив, богу молитесь, сударь, богу молитесь.

— Ну, хорошо, ступай, — сказал Степан Аркадьич, вдруг покраснев. — Ну, так давай одеваться, — обратился он к Матвею и решительно скинул халат.

Матвей уже держал, сдувая что-то невидимое, хомутом приготовленную рубашку и с очевидным удовольствием облек в нее холеное тело барина.

Ш

Одевшись, Степан Аркадьич прыснул на себя духами, выправил рукава рубашки, привычным движением рассовал по карманам папиросы, бумажник, спички, часы с двойной цепочкой и брелочками и, встряхнув платок, чувствуя себя чистым, душистым, здоровым

и физически веселым, несмотря на свое несчастье, вышел, слегка подрагивая на каждой ноге, в столовую, где уже ждал его кофе и, рядом с кофеем, письма и бумаги из присутствия.

Степан Аркадьич сел, прочел письма. Одно было очень неприятное — от купца, покуповавшего лес в имени жены. Лес этот необходимо было продать; но теперь, до примирения с женой, не могло быть о том речи. Всего же неприятнее тут было то, что этим подмешивался денежный интерес в предстоящее дело его примирения с женою. И мысль, что он может руководиться этим интересом, что он для продажи этого леса будет искать примирения с женой, — эта мысль оскорбляла его.

Окончив письма, Степан Аркадьич придвинул к себе бумаги из присутствия, быстро перелистовал два дела, большим карандашом сделал несколько отметок и, отодвинув дела, взялся за кофе; за кофеем он развернул еще сырую утреннюю газету и стал читать ее.

Степан Аркадьич получал и читал либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось большинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика, собственно, не интересовали его, он твердо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство и его газета, и изменял их, только когда большинство изменяло их, или, лучше сказать, не изменял их, а они сами в нем незаметно изменялись.

Степан Аркадьич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал формы шляпы или сюртука, а брал те, которые носят. А иметь взгляды ему, жившему в известном обществе, при потребности некоторой деятельности мысли, развивающейся обыкновенно в лета зрелости, было так же необходимо, как иметь шляпу. Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному, какого держались тоже многие из его круга, то это произошло не оттого, чтоб он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно подходило ближе к его образу жизни. Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно не доставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. Либеральная партия говорила, или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для варварской части населения, и действительно, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах

За чаем

Газету А.А. Краевского «Голос», орган либерального чиновничества, называли «барометром общественного мнения». Мысль об «упорной традиционности, тормозящей прогресс» высказана в «Листке» газеты «Голос» от 21 января 1873 г. Там же говорится о «пугливых охранителях», которым всюду мерещится «красный призрак» или «гидра о 18 тысячах головах». Возможно, что перед Толстым был именно этот номер газеты, когда он писал сцену утреннего чтения Облонского.

(Примечание Э. Бабаева. «Анна Каренина», 1981 г.)

даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело. Вместе с этим Степану Аркадьичу, любившему веселую шутку, было приятно иногда озадачить смиренного человека тем, что если уже гордиться породой, то не следует останавливаться на Рюрике и отречься от первого родоначальника — обезьяны. Итак, либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове. Он прочел руководящую статью, в которой объяснялось, что в наше время совершенно напрасно поднимается вопль о том, будто бы радикализм угрожает поглотить все консервативные элементы и будто бы правительство обязано принять меры для подавления революционной гидры, что, напротив, «по нашему мнению, опасность лежит не в мнимой революционной гидре, а в упорстве традиционности, тормозящей прогресс», и т.д. Он прочел и другую статью, финансовую, в которой упоминалось о Бентаме и Милле и подпускались тонкие шпильки министерству. Со свойственной ему быстротою соображения он понимал значение всякой шпильки: от кого и на кого и по какому случаю она была направлена, и это, как всегда, доставляло ему некоторое удовольствие. Но сегодня удовольствие это отравлялось воспоминанием о советах Матрены Филимоновны и о том, что в доме так неблагоприятно. Он прочел и о том, что граф Бейст, как слышно, проехал в Висбаден, и о том, что нет более седых волос, и о продаже легкой кареты, и предложение молодой особы; но эти сведения не доставляли ему, как прежде, тихого, иронического удовольствия.

Окончив газету, вторую чашку кофе и калач с маслом, он встал, стряхнул крошки калача с жилета и, расправив широкую грудь, радостно улыбнулся, не оттого, чтоб у него на душе было что-нибудь особенно приятное, — радостную улыбку вызвало хорошее пищеварение.

Но эта радостная улыбка сейчас же напомнила ему все, и он задумался.

Два детские голоса (Степан Аркадьич узнал голоса Гриши, меньшого мальчика, и Тани, старшей девочки) послышались за дверьми. Они что-то везли и уронили.

— Я говорила, что на крышу нельзя сажать пассажиров, — кричала по-английски девочка, — вот подбирай!

«Все смешалось, — подумал Степан Аркадьич, — вон дети одни бегают». И, подойдя к двери, он кликнул их. Они бросили шкатулку, представлявшую поезд, и вошли к отцу.

Василий Степанович
Перфильев. 1865 г.

Дмитрий Дмитриевич
Оболенский. 1890-е гг.

Прототипом Стивы Облонского современники называли Василия Степановича Перфильева (1826–1890), близкого знакомого Льва Толстого, женатого на его троюродной сестре. В это время (действие романа начинается в конце зимы 1873 г.) он служил предводителем дворянства Московского уезда, в 1878–1887 гг. был московским губернатором. С.А. Толстой писал: «Общее с Облонским у него было: склонность к удовольствиям и комфорту, добродушие, некоторый либерализм, благовоспитанность и так называемая порядочность. Но такие черты были свойственны и другим представителям высшего круга дворянства, привыкшим к роскоши, разорившимся и по необходимости поступившим на службу».

Прочитав сцену утреннего завтрака Облонского, Перфильев при встрече сказал Толстому:

— Ну, Левочка, цельного калача с маслом за кофеем я никогда не съедал. Это ты на меня уж наклепал.

Некоторые черты характера Облонского заимствованы также от приятеля Толстого князя Дмитрия Дмитриевича Оболенского (1844–1931), на что указывает и сходство фамилий.

Девочка, любимица отца, вбежала смело, обняла его и, смеясь, повисла у него на шее, как всегда, радуясь на знакомый запах духов, распространившийся от его бакенбард. Поцеловав его, наконец, в покрасневшее от наклоненного положения и сияющее нежностью лицо, девочка разняла руки и хотела бежать назад; но отец удержал ее...

— Что мама? — спросил отец, водя рукой по гладкой, нежной шейке дочери. — Здравствуй, — сказал он, улыбаясь здоровавшемуся мальчику.

Он сознавал, что меньше любил мальчика, и всегда старался быть ровен; но мальчик чувствовал это и не ответил улыбкой на холодную улыбку отца.

— Мама? Встала, — отвечала девочка.

Степан Аркадьич вздохнул. «Значит, опять не спала всю ночь», — подумал он.

— Что, она весела?

Девочка знала, что между отцом и матерью была ссора, и что мать не могла быть весела, и что отец должен знать это, и что он притворяется, спрашивая об этом так легко. И она покраснела за отца. Он тотчас же понял это и также покраснел.

— Не знаю, — сказала она. — Она не велела учиться, а велела идти гулять с мисс Гуль к бабушке.

— Ну, иди, Танчурочка моя. Ах да, постой, — сказал он, все-таки удерживая ее и глядя ее нежную ручку.

Он достал с камина, где вчера поставил, коробочку конфет и дал ей две, выбрав ее любимые, шоколадную и помадную.

— Грише? — сказала девочка, указывая на шоколадную.

— Да, да. — И еще раз погладив ее плечико, он поцеловал ее в корни волос, в шею и отпустил ее.

— Карета готова, — сказал Матвей. — Да просительница, — прибавил он.

— Давно тут? — спросил Степан Аркадьич.

— С полчасака.

— Сколько раз тебе приказано сейчас же докладывать!

— Надо же вам дать хоть кофею откушать, — сказал Матвей тем дружески грубым тоном, на который нельзя было сердиться.

— Ну, проси же скорее, — сказал Облонский, морщась от досады.

Просительница, штабс-капитанша Калинина, просила о невозможном и бестолковом; но Степан Аркадьич, по своему обыкновению, усадил ее, внимательно, не перебивая, выслушал ее и дал ей подробный совет, к кому и как обратиться, и даже бойко и складно

своим крупным, растянутым, красивым и четким почерком написал ей записочку к лицу, которое могло ей пособить. Отпустив штабс-капитаншу. Степан Аркадьич взял шляпу и остановился, припоминая, не забыл ли чего. Оказалось, что он ничего не забыл, кроме того, что хотел забыть, — жену.

«Ах да!» Он опустил голову, и красивое лицо его приняло то-скливое выражение. «Пойти или не пойти?» — говорил он себе. И внутренний голос говорил ему, что ходить не надобно, что, кроме фальши, тут ничего быть не может, что поправить, починить их отношения невозможно, потому что невозможно сделать ее опять привлекательною и возбуждающею любовь или его сделать стариком, не способным любить. Кроме фальши и лжи, ничего не могло выйти теперь; а фальшь и ложь были противны его натуре.

«Однако когда-нибудь нужно; ведь не может же это так остаться», — сказал он, стараясь придать себе смелости. Он выпрямил грудь, вынул папироску, закурил, пыхнул два раза, бросил ее в перламутровую раковину-пепельницу, быстрыми шагами прошел мрачную гостиную и отворил другую дверь, в спальню жены.

IV

Дарья Александровна, в кофточке и с пришпиленными на затылке косами уже редких, когда-то густых и прекрасных волоса с осунувшимся, худым лицом и большими, выдававшимися от худобы лица, испуганными глазами, стояла среди разбросанных по комнате вещей пред открытою шифоньеркой, из которой она выбирала что-то. Услыхав шаги мужа, она остановилась, глядя на дверь и тщетно пытаясь придать своему лицу строгое и презрительное выражение. Она чувствовала, что боится его и боится предстоящего свидания. Она только что пыталась сделать то, что пыталась сделать уже десятый раз в эти три дня: отобрать детские и свои вещи, которые она увезет к матери, — и опять не могла на это решиться; но и теперь, как в прежние раза, она говорила себе, что это не может так остаться, что она должна предпринять что-нибудь, наказать, осрамить его, отомстить ему хоть малою частью той боли, которую он ей сделал. Она все еще говорила, что уедет от него, но чувствовала, что это невозможно; это было невозможно потому, что она не могла отвыкнуть считать его своим мужем и любить его. Кроме того, она чувствовала, что если здесь, в своем доме, она едва успевала ухаживать за своими пятью детьми, то им будет еще хуже там, куда она поедет со всеми ими. И то в эти три дня меньшей заболел оттого, что его накормили

дурным бульоном, а остальные были вчера почти без обеда. Она чувствовала, что уехать невозможно; но, обманывая себя, она все-таки отбирала вещи и притворялась, что уедет.

Увидав мужа, она опустила руку в ящик шифоньерки, будто отыскивая что-то, и оглянулась на него, только когда он совсем вплоть подошел к ней. Но лицо ее, которому она хотела придать строгое и решительное выражение, выражало потерянность и страдание.

— Долли! — сказал он тихим, робким голосом. Он втянул голову в плечи и хотел иметь жалкий и покорный вид, но он все-таки сиял свежестью и здоровьем.

Она быстрым взглядом оглядела с головы до ног его сияющую свежестью и здоровьем фигуру. «Да, он счастлив и доволен! — подумала она, — а я?!. И эта доброта противная, за которую все так любят его и хвалят; я ненавижу эту его доброту», — подумала она. Рот ее сжался, мускул щеки затрясся на правой стороне бледного, нервного лица.

— Что вам нужно? — сказала она быстрым, не своим, грудным голосом.

— Долли! — повторил он с дрожанием в голосе. — Анна придет сегодня.

— Ну что же мне? Я не могу ее принять! — вскрикнула она.

— Но надо же, однако, Долли...

— Уйдите, уйдите, уйдите! — не глядя на него, вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физической болью.

Степан Аркадьич мог быть спокоен, когда он думал о жене, мог надеяться, что все *образуется*, по выражению Матвея, и мог спокойно читать газету и пить кофе; но когда он увидал ее измученное, страдальческое лицо, услышал этот звук голоса, покорный судьбе и отчаянный, ему захватило дыхание, что-то подступило к горлу, и глаза его заблестели слезами.

— Боже мой, что я сделал! Долли! Ради бога! Ведь... — он не мог продолжать, рыдание остановилось у него в горле.

Она захлопнула шифоньерку и взглянула на него.

— Долли, что я могу сказать?.. Одно: прости, прости... Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить минуты, минуты...

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что он скажет, как будто умоляя его о том, чтобы он как-нибудь разуверил ее.

— Минуты... минуты увлечения... — выговорил он и хотел продолжать, но при этом слове, будто от физической боли, опять поджались ее губы и опять запрыгал мускул щеки на правой стороне лица.

